

Дмитрий Бобышев:

Комс. правда, -1997, -25 июня, -с.4

«Пятую розу» Ахматова подарила мне, «Последнюю» - Бродскому, а Рейну роз не хватило

Завтра в Санкт-Петербурге завершаются «Ахматовские чтения», посвященные дню рождения поэтессы. Именно в этот день, 23 июня, прозвучал в Питере доклад русского поэта и американского профессора Дмитрия Бобышева

Он эмигрировал из России 18 лет назад. А прежде входил в знаменитую «ленинградскую четверку» - вместе с Иосифом Бродским, Евгением Рейном и Анатолием Найманом, - дружившую с Анной Андреевной.

Дмитрий Бобышев рассказал мне о том, что не вошло в его питерский доклад.

- Я не могу сосчитать, сколько было встреч с Ахматовой. Каждая незабываема. Ей предстояло еще прожить шесть лет, и все эти годы мы общались.

- Сколько вам было лет в момент знакомства?

- Двадцать с чем-то. Я расспрашивал ее о Мандельштаме: стали появляться его книги, изданные за границей и пропавшие нелегальным путем. Я увидел, что Мандельштам - какое-то чудо, носитель солнечной Модартовой гармонии, которая со времен Пушкина только изредка к нам забрела...

- Вы расспрашивали Ахматову о нем как о человеке?

- Меня интересовало действительно все...

- Но что вам Анна Андреевна рассказывала?

- Она рассказывала какие-то яркие эпизоды. Например, как она познакомилась с Мандельштамом. Его представил Николай Гумилев, ее тогдашний муж.

- Он влюбился в нее, Мандельштам?

- Анна Андреевна говорила, что, кажется, да. Во всяком случае одно время они встречались очень часто, ходили на концерты, и однажды Ахматову это озаботило: не слишком ли часто? Мандельштам почувствовал, обиделся и пропал на долгое время. И потом они встретились, когда он был женат, она подружилась с Надеждой Яковлевной...

- И они стали самыми близкими подругами?

- Во время ташкентской эвакуации особенно сблизились. Однажды Ахматова мне сказала: надо мне познакомить вас с вдовой Мандельштама, вы не бойтесь, это не какая-то старуха, это настоящая вдова поэта. И по рекомендации Анны Андреевны я поехал к Надежде

ТОЛЬКО У НАС

Яковлевне, которая тогда жила в Пскове. Ее реакции были соленые, колючие, едкие. Она мрачно смотрела на жизнь, на литературу. Конечно, она представляла себе, что вряд ли явится еще дар, равный дару ее погибшего мужа.

- А Анна Андреевна какой была по характеру? Величественная? Простая?

- Она была и величественная, и простая. Добрая. И в то же время могла быть очень насмешливой. Это ее острое величественное, блестящее и в некоторых случаях убийственное...

Вот она рассказывала, как лежала после третьего инфаркта в больнице на Васильевском острове, в палату не было доступа. Но правдами и неправдами пробился некий молодой поэт из Москвы - узнать ее мнение, кто первый поэт: Цветаева, Мандельштам или Пастернак? Ахматова нашла в себе силы ответить: все они звезды первой величины, и не нужно превращать их в диванные валики, чтобы этими валиками избивать друг друга.

Когда впоследствии возникли культы «единственных» и «величайших поэтов», я всегда вспоминал эти диванные валики.

- А в ней было то, что поймал в портрете Модильяни?

- Естественно, прежде была гибкая молодая змея... «Ужели и гитане гибкой все муки ада суждены» - строчки Мандельштама. Она рассказывала, что могла свернуться узлом, доставала, изогнувшись, пятками свой затылок.

- В чем она была одета, когда вы увидели ее первый раз?

- Это женский вопрос. У меня мужское восприятие. В каких-то темных одеждах. Кажется, на плечи наброшена шаль.

- У меня всегда было чувство, что она жила две жизни или три. Молодая, потому что получила новую судьбу, судьбу женщины, равной другим женщинам, - через тюрьму, ссылку и казнь близких...

- Если судить по тому, сколько гибелей ее ждало,

жизней было гораздо больше. Ее старшая сестра умерла от туберкулеза, и она могла бы, уже была открытая форма, но вдруг зарубцевалась. Революция, расстрел Гумилева... Дальше 30-е годы, арест ближайшего друга Мандельштама и его гибель, эти постановления ЦК... После последнего, ждановского, был реальный шанс получить пулю. Ахматову, кстати, лишили продовольственных карточек, что тоже равно было голодной смерти.

- Как она оценивала ваши стихи?

- Если не нравилось, молчала. Вообще она была не очень разговорчива. И в разговорах допускались паузы, которые она не торопилась заполнять. Одобряла кратко: «Стихотворение состоялось». Просила, чтоб я читал еще и еще - наверное, что-то ей нравилось. И это посвящение...

- «Пятая роза»? Она всем раздавала по розе?

- Она не раздавала... Я подарил ей на день рождения букет, состоящий из пяти отборных роз, и стихотворение, которое заканчивалось как бы предложением ей ответить, не только мне, а нам четверым: «Не просится ль тогда стихотворенье с упоминаньем каждого добром?»

И она ответила. Мне - «Пятой розой». Найману посвятила «Небывшую розу». Бродскому - «Последнюю розу».

- А Рейну?

- Рейн своей розой, возможно, не дождался. Просто потому, что она умерла.

- Она была красивая женщина?

- Она была красива в 70 лет.

- Вы, молодой человек, чувствовали ее женскую красоту?

- Чувствовал. После ее смерти об этом же расспрашивала Надежда Яковлевна Мандельштам. Она говорила, что после 70 лет женщины часто теряют реальное представление о себе. И, мол, такова была Анна Андреевна, сказавшая, что в нее влюбляются и после 70. Я возразил: но это правда! Тогда она спросила: вот вы были влюблены в нее? Я сказал: да, я был влюблен в нее.

- Какой инфаркт стал для Анны Андреевны последним?

- Она умерла от четвертого. Кто-то мне позвонил и сказал. Я заходил в Никольский собор попроситься с ней, но уже после панихиды. А потом было прощание в Доме писателя, куда меня не пустили, поскольку я был не член Союза писателей. И тогда я поехал в Комарово на кладбище, где дождался, когда ее привезут, и попрощался последний раз с ней там. Я взял с собой горсть песка с этого кладбища, эту горсть увез в Америку. Она и теперь со мной. И я надеюсь, что когда-то она смешается с американской землей.

- Вы плакали? Водки напились?

- Нет, я не напился и даже, кажется, не плакал. Я заплакал впервые спустя два года. Когда пришел в дружеский дом и мне неожиданно поставили пластинку как сюрприз, я даже не знал, я думал, что заиграет музыка, но заговорила Ахматова. Об этом у меня есть строчки:

Забылось,
но не все перемололось...
Огромно-голубинный
и грудной
в разлуке с собственной
гортанью голос
от новой муки стонет
под иглой...

Ольга КУЧКИНА.